

Сергей Пагын

Меж несбывшимся и настоящим

* * *

Где б ни ходил, ни стоял человек,
он на меже, на границе...
Смотрит в окно и предчувствует снег,
и золотою водицей

долго лицо, не стекая, течёт
между личиной и ликом,
глиной и ветром полночных высот,
между молчаньем и криком.

* * *

Я возвращался в мягкий прах
и в глину, и в траву
в других неявленных мирах,
а в этом я живу.

Быть может, там орал петух
из предрассветной тьмы,
но чуял мой предсмертный слух
вхождение тишины.

Она стояла надо мной
как близкий человек,
как будто с крошечной свечой
родной огромный снег.

А в этом мире шум и зной,
и мнится — жизнь одна...
Но где-то рядом, за спиной,
тот снег и тишина.

Пагын Сергей Анатольевич — поэт. Родился в 1969 году в Молдавии, в г. Единцы. Окончил филфак Бельцкого пединститута. С 2000 года — главный редактор регионального издания «Норд-инфо». Автор пяти книг стихов, в том числе «Перед снегом» (2012) и «Просто жизнь» (2017). Дипломант Международного поэтического конкурса им.Н.С.Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2010). Лауреат премии «Молодой Петербург» (2011) и др.

* * *

Становлюсь светлее и прозрачней,
чьим-то лёгким предосенним сном,
пересохшим, выцветшим, чердачным
в небесах летающим окном.

Словно время мне из вен пустили —
и всё дальше глинистая твердь.
И теперь уже не или-или,
а и жизнь, и облако, и смерть.

* * *

По опрокинутой воде
небесного пруда
скользит в осенней пустоте
неведомо куда

ворона тонкая одна...
В длину иль в ширину
неволью меряет она
над нами тишину.

Ни рыб медлительных там нет,
ни трав береговых.
И только свет, и только свет
для мёртвых и живых.

Пугало

Ветер поднимет полы пальто,
дёрнет за рукава —
словно шарахнулся в ужасе кто,
только сбежит едва

прочь от холма, где сухой репей,
серый скелет куста,
от пустырей,
от седых полей,
от своего креста.

* * *

Иногда как будто бестелесно
плотное привычное бытё...
Человек заглядывает в бездну,
и отходит в страхе от неё.

Яблоко в растерянности тронет
и в осеннем постоит дыму.
И орех морщинистый в ладони
возвратит уверенность ему.

Птичьи звуки явственны и звонки,
мир надёжен...
Только вот беда —
в женщине, растении, ребёнке
проступает бездна иногда.

* * *

Я хочу быть чистым, как трава,
как трава — простым и бессловесным.
Был — и нет...
И только синева
или снег, слетающий отвесно.

Умирать в осенней пустоте,
стать потом не былью скоротечной,
а былинкой светлой в темноте
заселённой заново скворечни.

Снег

Бабушка умирает.
Вздрыгнул свечи огонь —
бабушка подставляет
маленькую ладонь
снегу, в неверном свете
видному только ей,
снегу, что больше смерти,
выше,
нежней,
теплей.

* * *

Мне снился дом, и в нём была беда —
утраты воздух был тяжёл и вязок.
За окнами шла тёмная вода,
и капало в углу в железный тазик.

И женщина сидела у огня,
с руки овчарку серую кормила,
которая смотрела на меня,
и в этом взгляде человечье было

скупое удивленье, словно я
в дрожащем и печальном полусвете —
безмолвный дух, пришлец из бытия
вне жизни истончившейся
и смерти.

* * *

Когда человек выбирает стать тенью,
он слышит печаль однолетних растений
шуршащих зимой на ветру,
он чует дыханье воды под суглинком,
он ходит в прозрачных воздушных ботинках
по снежному с ночи двору.

А мы вызываем к нему костоправа,
а мы предлагаем таблетки и травы,
и водим его по врачам,
к целителям ходим и делимся снами,
гадаем, вздыхаем, а он уж не с нами,
а он далеко уже — там...

Сквозь сердце его пролетает синица,
в его средостенье шиповник ветвится,
он — голос заснеженных трав,
он — воздух заплечный, и зов его тает...
Он сделал свой выбор,
и смерть наступает,
к уходу его опоздав.